

Ангела
Вант

*Поймете ли вы, чей голос обращается к вам
в ваших сновидениях?*

ПРОБУЖДЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2011

Посвящается Шерри

Бог говорит однажды и, если того не заметят, в другой раз: во сне, в ночном видении, когда сон находит на людей, во время дремоты на ложе. Тогда Он открывает у человека ухо и запечатлевает Свое наставление...

Иов 33:14–16

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Уэстбери Армс», квартира 15а

Моя мама умерла, а я ничего не чувствую.

Я не пошла на поминальную службу. Тетя Клара тяжело вздохнула, когда я предупредила, что не приду, но уговаривать не стала.

— Не переживай, — сказала она, поправляя перед зеркалом вуаль на гладких седых волосах. — Ведь ты заботилась о ней при жизни.

Теперь по квартире кружат люди, которых я совершенно не знаю или смутно припоминаю. Мне не хотелось звать их к себе домой, но что оставалось делать? Мама бы пораздовалась тому, что я оказала им любезность.

Гости бормочут соболезнования, проходят через гостиную, останавливаются у стола с закусками, а затем направляются к бару, где распоряжается приятель Клары. Я стою, прислонившись к стене, и пытаюсь вспомнить, как его зовут. Артур-Какой-то, банкир с Уолл-стрит. Последний в ряду степенных пожилых кавалеров, которыми Клара распоряжается на благотворительных вечерах и похоронах.

Я качаю головой. Хорошо, что Клара не исчезла из моей жизни, хотя мы и связаны волею обстоятельств, а не кровными узами.

Она занималась похоронами. У меня на это не хватило духу. Клара избавила меня от хлопот, как только я постучала в ее дверь в понедельник. Она осмотрела тело покойной,

позвонила в похоронное бюро, договорилась со священником о поминальной службе. Ей удалось найти в доверху забитых ящиках антикварного стола конверт с последней волей матери.

— Она все продумала заранее, — пояснила Клара, протягивая конверт. — Она хотела, чтобы ее кремировали, а урну с прахом поставили в колумбарии*, и даже заплатила за это. Службу проведет преподобный Дженнингс из церкви Святого Иоанна. Речь будет короткой и светлой, без пышных восхвалений. По ее просьбе закуски доставит компания «Джорджио». В прошлом они прекрасно себя зарекомендовали. Позже я разберу ее бумаги и выброшу ненужные. Мать завещала все тебе. Копия завещания находится у адвоката. Как видишь, дорогая, она обо всем позаботилась.

В эту минуту я почувствовала, как груз забот перешел с моих плеч на мамины. Я посвятила ей последние десять лет своей жизни, но не имею ни малейшего представления, что могу сделать для нее после смерти. Медсестра из хосписа** пыталась мне что-то разъяснить, но я верила, что

6

мама проживет еще долго, и почти не слушала.

Мама знала, что я не хочу с ней разлучаться.

Утром Клара заехала проверить, как идут приготовления к поминкам.

— Вы понимаете, почему я не хочу идти на похороны? — спросила я.

— Конечно, милочка! — Пожилая дама взяла меня за руку и повела на кухню, где официанты вынимали провизию из холодильника. — Мэри Элизабет тоже бы поняла.

* Колумбарий — хранилище урн с пеплом тел, сожженных в крематории. — *Здесь и далее все подстрочные примечания принадлежат редактору русского издания.*

** Хоспис — медицинское учреждение, в котором безнадежно больные пациенты получают достойный уход. Пациенты хосписов окружены обычными «домашними» вещами, к ним открыт свободный доступ родственников и друзей.

Знаешь, как только она узнала о болезни, которая вскоре должна была повредить ее разум, то сразу решила, что люди должны запомнить ее такой, какой она была до этого. Я встречалась со священником, и он пообещал, что служба будет не слишком пышной. Короткая речь — вот, в сущности, и все.

Я с облегчением кивнула. Мэри Элизабет Уэнтворт-Норквест была бы рада, что ее похороны прошли без лишней сентиментальности — так же, как она вела свои дела... В то время я была слишком оглушена горем, чтобы оценить ее предупредительность. Мама избавила меня от долгих и утомительных хлопот.

Она умерла спустя две недели после того, как ей исполнилось семьдесят лет. Причиной смерти стало слабое сердце. Но слабоумие разрушило ее личность еще много лет назад. Подробные похоронные инструкции, которые нашла Клара, должно быть, написаны в 1994 или 1995 году... Когда мама еще помнила, кто она такая и где находится.

Тогда она понимала, что я ее дочь, а не враг.

Я закрываю глаза, и на меня тут же обрушивается боль, пережитая в последние годы. Я отворачиваюсь от бармена-банкира Артура и бреду к окнам в южной части столовой. Через освещенную солнцем стеклянную арку я вижу Манхэттен — черные крыши соседних зданий, зеленые заплатки зимних садов и металлическое отражение величественного медного купола. Далеко внизу, рядом с улицей, которую скрывает каменный край подоконника, вздымаются два шпиля-близнеца, установленные на церкви, архитектура которой некогда внушала благоговение городским жителям.

Но время все меняет. Церковь, чей величавый вид подавлял манхэттенские здания, теперь ютится между грандиозными небоскребами, словно бедный родственник в ожидании подачки.

Какая-то женщина касается моей руки и что-то тихо говорит. Раскаты голоса Артура заглушают шепот, но я улыбаюсь, словно слышу каждое ее слово.

— Мэри Элизабет была сильной женщиной. — Незнакомка повышает голос и хлопывает меня по руке, словно сбрасывая якорь, чтобы доставить груз сочувствия. — Нам будет ее не хватать.

Я чуть не хмыкнула. Мать годами не выходила из квартиры. Помнить ее будем только я и Клара.

Судорожно пытаюсь заполнить пустоту, я озираюсь по сторонам, надеясь увидеть ссутулившуюся мать у кухонного стола: волосы всклокочены, отсутствующий взгляд, она суетливо перебирает руками, словно ищет неведомую вещь. Вчера мне показалось, будто она раскачивается в дверном проеме спальни, но когда я повернулась, то увидела лишь занавески на окне.

Я улыбаюсь незнакомке. Она отходит. Я отворачиваюсь к окну, нехотя уступая место чувству вины, которое тенью следует за мной. Наверное, это прозвучит кошунственно, но я сомневаюсь, что буду скучать по матери после похорон. Я быстро привыкну жить одна. Разве мы скучаем по мигрени, когда она проходит? Последние десять лет моей жизни состояли из бесчисленных подносов с кашей и супом, грязного белья и коробок с памперсами для взрослых. Не считая Клары и больной матери, компанию мне составляли только неприятные эпизоды, частые упреки и вечная усталость.

Вместе с нами в квартире жило отчаяние, и я надеюсь, что оно умерло вместе с матерью.

Артур подает бокал некой женщине, и она устремляется ко мне. Я отхожу от окна. Если удастся создать видимость деятельности, то люди оставят меня в покое. В последнее время я была так одинока, что в разговоре с незнакомцами чувствую стеснение и неудобство. Я никогда не была блестящей собеседницей. Сегодня, боюсь, мне не удастся выдать из себя и нескольких вежливых фраз о погоде.

А вот мама могла говорить с кем угодно и о чем угодно. Если бы она сейчас была здесь и не страдала от болезни, то стояла бы у бара и цокала языком, неодобрительно по-

глядывая на меня. «Выше голову, Аврора, — с легким раздражением сказала бы она. — Ты ничем не хуже, а может, даже и лучше всех, кто собрался в этой комнате».

Я подхожу к барной стойке и опираюсь на нее, надеясь привлечь внимание Артура.

— Белого вина, пожалуйста. — Я опускаю глаза, когда банкир широко мне улыбается.

К счастью, Артур Как-Его-Там не пристаёт с разговорами. Наверное, он принял мою застенчивость за сердечную скорбь. Он протягивает бокал, и я, кивнув в знак благодарности, принимаю его и с озабоченным видом по диагонали прохожу через комнату.

Подхожу к двери в гостиную, прислоняюсь к стене и маленькими глоточками пью вино, опустив глаза, чтобы никто не поймал мой взгляд и не заговорил.

Маму раздражала моя стеснительность. Потом она заболела. Мэри Элизабет (друзья называли ее Эм) носила смелость, как корону. Она могла войти в комнату, полную незнакомых людей, поприветствовать всех, начиная с дворецкого и заканчивая хозяином, подходящим к случаю *bon mot** и вызвать всеобщее уважение.

9

Когда я подросла и меня стали представлять гостям на вечеринках, я обычно сидела на канapé в гостиной и наблюдала за тем, как мама правит собранием лучших нью-йоркских семей. Мэр и его жена сидели слева от нее, председатель Большого манхэттенского комитета искусств стоял справа и кивал, словно марионетка. А мама элегантным жестом обводила собравшихся гостей, представляла меня, с удовольствием выслушивала комплименты о том, какая у нее очаровательная дочь, выжидала, пока я произнесу несколько вежливых фраз, и отсылала меня спать.

Потом я крадучись возвращалась по длинному темному коридору и смотрела на гостей.

* *Bon mot* (фр.) — острота, остроумное замечание.

Мэри Элизабет, хотя и не была замужем, правила достойно и уверенно. Позже я догадалась, что источник власти находился в унаследованном богатстве и связях, но в юности полагала, что мать обязана этому лишь своей красотой, величественной осанкой и обаянием. Вокруг нее роились мужчины из высшего общества, а нувориши* мечтали о печати респектабельности, которую придавало приглашение от Мэри Элизабет Уэнтворт-Норквест.

Полагаю, печать потеряла свою привлекательность к тому времени, когда я стала неотъемлемой частью пышных торжеств в доме матери. Эм больше не могла отрицать, что у нее есть ребенок... дочь блестящего писателя и «ужасного человека», как она говорила.

Я никогда не знала отца, но, судя по тому, что мне удалось подслушать, его увлекла некая европейская красавица. Отец встречался с англичанкой тайно, но когда мать объявила, что ждет ребенка, бросил нас. Ко дню моего рождения юридические битвы подошли к концу. Однажды вечером, спрятавшись под стулом в стиле Людовика XIV, я услышала, что отец вернулся в Америку, чтобы развестись, — в том самом месяце, когда меня крестили. Друзья матери были возмущены тем, что Теодор Норквест объявился на Манхэттене лишь для того, чтобы подписать необходимые бумаги. После этого отец незамедлительно сел в самолет и улетел в Лондон.

— А вы, должно быть, дочь Мэри Элизабет. — Хриплый голос прогоняет воспоминания. Я оборачиваюсь и вижу сухопарого лысого мужчину. Обвисшая кожа покрыта старческими пятнами.

— Верно.

— Сочувствую вашей утрате. Элизабет была очаровательной женщиной. — Он на удивление сильно пожимает мне руку и отходит, так и не представившись.

* Нувориш (*фр.* *nouveau riche* — новый богач) — быстро разбогатевший человек из низшего сословия, богач-выскочка.

У него сухая, неприятная рука. Как будто мертвая. Я вспоминаю книгу о древних римлянах. Они придумали такую пытку: преступника привязывали к покойнику, и, когда труп начинал разлагаться, гниение происходило и в теле живого человека.

Я вытираю руки о юбку, вздрогнув при мысли о вредных бактериях и вирусах. В комнате носятся незнакомые запахи, слышатся непривычные шумы и шепот, похожий на жужжание сердитых пчел.

Скорее бы все ушли. Мне надо побыть одной.

Я отбрасываю волосы с мокрого лба, ставлю полупустой бокал на стол и выхожу в холл, чтобы пройти в ванную. Там никого нет. Проскальзываю внутрь и дрожащими пальцами запираюсь на замок. Опускаю крышку унитаза, сажусь и смотрю на полотенца с монограммой, которые висят на вешалке.

М. Э. Н. — Мэри Элизабет Норквест.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь умерить волну раздражения, которая поднимается в груди. Ритуал нужно соблюдать. Поминки — последнее прощание. Когда они закончатся и гости уйдут, то вместе с ними исчезнет и отчаяние.

Эти стены видели много страданий. Во времена моего детства мать, должно быть, содрогалась от отвращения при мысли о том, что она разведена. В начале семидесятых годов это явление стало обычным делом, но не среди женщин, занимающих такое высокое общественное положение, как она. Клара рассказывала, что после моего рождения мать на два года уединилась и появилась на публике лишь тогда, когда Чарли, муж Клары, «укрыл ее пеленой собственной безупречной репутации».

Клара не любила вспоминать те годы, но потускневшие фотографии из альбомов матери говорили сами за себя. Я видела застывшие минуты торжественных ужинов, пляжных вечеринок, балов и выставок, где появлялись мама, Клара и Чарли. Чарлз Беллингхем сопровождал обеих женщин, пока в 1982 году не умер от сердечного приступа.

Дядя любил меня до безумия. Он умер зимой, когда мне исполнилось тринадцать. Я помню свое потрясение, когда не нашла в некрологе «Таймс» наших с мамой имен в списке его родственников. Но в высших кругах, где вращалась моя мать, совместно выпитое шампанское связывало крепче кровных уз. Я всегда буду благодарна Кларе и Чарлзу за то, что они сжалились над незамужней подругой и помогли ей начать жизнь заново.

Я много раз рылась в фотоальбомах, но так и не отыскала фотографии отца.

Кто-то стучит в дверь ванной. Я поднимаю голову.

— Аврора!

— Клара?

— Дорогая, с тобой все в порядке?

Я глубоко вздыхаю и провожу рукой по волосам:

— Да.

— Открой дверь, пожалуйста. Люди хотят с тобой поговорить.

Я с трудом встаю, открываю замок и распахиваю дверь. Клара стоит в коридоре. Одной рукой она рассеянно поглаживает траурный воротничок, второй крепко сжимает ручку двери.

— Спасибо, дорогая. Я знаю, тебе нелегко, но скоро все закончится.

— Просто... здесь так много людей. И я никого не знаю.

Клара касается меня унизанной драгоценностями рукой:

— Они друзья твоей матери.

— Но мы не видели их долгие годы.

— Они не могли навещать ее, когда она болела. Скажи спасибо, что они пришли сегодня. Эм, упокой Господь ее душу, заслуживает достойных проводов.

Тетя права. Я знаю, ей сейчас тоже нелегко. Покорно улыбнувшись, я складываю руки на груди и разглядываю близкую подругу матери. Кожа на лбу и вокруг рта Клары натянута после нескольких подтяжек, но между бровями пролегла тревожная складка.

— Мама была бы рада, что пришло столько друзей.

— Конечно! Так что выходи и пообщайся с ними. Хорошо? — Клара слегка поворачивается, чтобы обозреть толпу гостей. Потом, увидев в холле незнакомца, приподнимается на цыпочки:

— Прости, милочка, это, должно быть, журналист из «Таймс». Я пообещала ему все подробно рассказать. Но почему он надел этот пиджак? Твид на похоронах...

Покачав головой, Клара спешит перехватить молодого человека в очках и мятом спортивном пиджаке. Набрав в грудь воздуха, я сажусь на пустую скамейку в холле. Ах, если бы можно было пройти незамеченной...

Я поджимаю губы и, печатая шаг, иду по длинному коридору в гостиную. Затем сажусь в любимое кресло. Ко мне никто не подходит, и я смотрю на болтающих людей. Некоторых я знаю. Пришел руководитель Нью-Йоркского симфонического оркестра. У него на руке повисла новая жена. (Я вижу ее впервые в жизни, но читала о свадьбе в прошлом выпуске «Таймс».) Пришел доктор Монтроуз Хелгрин, лечащий врач моей матери. Рядом с ним — двое мужчин, которые явно предпочитают опустошать тарелки с закусками, а не беседовать.

13

Доктор Хелгрин, похоже, хочет со мной поговорить. Я встаю и торопливо ухожу. На кухне толпятся официанты. Из ванной меня выгнали. В кладовке хаос. Остается лишь одна открытая дверь. Скользнув в нее, я оказываюсь в библиотеке. В комнате стоят три пожилые женщины и, сдвинув головы, попивают из чашечек чай. Четвертая стоит поодаль и осторожно поглаживает скульптуру с изображением божества плодородия инков. Мамино любимое сокровище.

Я отворачиваюсь к книжным полкам, словно хочу там что-то найти. Провожу пальцем по кожаным корешкам. Раздраженные нервы напряжены.

— Во всем виден ее вкус, — говорит одна из троих. — Она была неординарной женщиной.

— Верно. Сколько энергии и изящества!

— И какая остроумная! Никто не мог с ней тягаться. Не дай Бог попасть в черный список Эм. Она была довольно злопамятной.

— Это точно. Помните ее бывшего мужа? Я всегда говорила, что Теодор Норквест заслуживает прощения. Не только красавец, но и богач. У него несколько миллионов долларов.

Боковым зрением я вижу, как самая высокая женщина поглаживает шею и смеется.

— Миллиардов, милочка. Он богаче английской королевы. У него почти столько же денег, как у той англичанки, что придумала Гарри Поттера.

— Тем не менее Мэри Элизабет и девочке он не дал ни пенни, верно?

Высокая дама оглядывает комнату и натывается на мой любопытный взгляд. Я думала, она покраснеет и пролепетает извинение, но она переводит взгляд на подруг и понижает голос:

14 — Мэри Элизабет всегда говорила, что не примет денег от мерзавца. Да и зачем они ей? Благодаря состоянию Уэнтвортов они с дочерью всегда жили безбедно.

Я с изумлением понимаю, что эти женщины не знают, кто я такая. Для них я незнакомка в черном платье. Они не видели меня на похоронах. О, да они, пожалуй, сочли меня за горничную!

— Удивительно, что она оставила его фамилию, — добавляет другая женщина. — Ведь она его ненавидела.

— Да, она презирала его, но ей нужно было думать о ребенке. Она грелась в лучах его славы.

— У нее была гордость, — заявляет третья женщина и скользит по мне взглядом, словно я стул или тумбочка. — Мало кто из современных женщин может этим похвастаться.

Не сумев скрыть улыбку, я прислоняюсь к книжной полке. Манхэттен времен моей матери давно истлел на

страницах раздела о моде и стиле газеты «Таймс», но эти пожилые дамы все помнят. Они пришли не только для того, чтобы оплакать Мэри Элизабет Уэнтворт, но отдать должное утраченному образу жизни. Они явились сюда, чтобы ходить по мягким шерстяным коврам, вдыхать запах книг в кожаных переплетах, касаться изысканного фарфора Уэнтвортов. Вечером у себя дома они будут есть еду из картонных коробок, которые доставят курьеры, и, стараясь перекрыть гудение телевизора, рассказывать мужьям, каких важных людей встретили на похоронах матриарха*. Они скажут, что смерть Мэри Элизабет Уэнтворт-Норквест ознаменовала конец эпохи.

Я поворачиваюсь и вновь выхожу в коридор, чтобы исследовать другую часть квартиры. В спальню матери никто войти не решился. Дверь открыта нараспашку, но гости осторожно обходят ее, как обходили хозяйку в последние годы жизни.

Рядом со мной останавливается миниатюрная женщина с серебристыми волосами и ярко-голубыми глазами, ее лицо сияет.

— Ленора! Это ты?

— Аврора. — Я вымученно улыбаюсь. — Да, это я.

— Господи, деточка, ты так изменилась! Где ты скрывалась? Я помню новость о твоей помолвке. Значит, ты куда-то уехала и воспитывала детей?

Я покачала головой:

— Свадьбу отменили. Я была здесь, ухаживала за мамой.

— О! Как благородно с твоей стороны! — Она касается моей щеки, в уголках ее глаз собираются морщинки. — Мать наверняка тобой гордилась. Я знаю, она очень тебя любила.

И она уходит, направляясь мимо меня к гардеробной, где женщины повесили шубы и оставили сумочки. Я смотрю

* Матриарх (от «матриархат») — пожилая почтенная женщина, возглавляющая род.

ей вслед, а затем прокладываю себе путь через битком набитую людьми кухню и столовую, улыбаюсь тете Кларе, банкиру Артуру и паре чопорных тщедушных старушек, которых никогда не видела раньше.

Клара сказала, что люди хотят со мной поговорить, но никто меня не останавливает. Прошествовав через комнаты, я возвращаюсь в коридор и быстро прохожу к угловой спальне, в которой жила моя мать. Никто не осмелился зайти в эту комнату, чтобы восхититься изысканным вкусом Мэри Элизабет.

Я закрываю дверь и встаю за ней, прижавшись всем телом. Эту дверь не закрывали много лет, ведь иначе я бы не увидела, что мама задумала что-то ужасное. Несмотря на открытую дверь и рацию у кровати матери, в тот день, когда ее внезапно сразил сердечный приступ, я ничего не слышала.

Я прижимаюсь к двери лбом. Наверное, я должна плакать, тосковать, но... я ничего не чувствую. Причина в том, что слабоумие матери лишило меня ее задолго до сердечного приступа. А может, я слишком устала для переживаний? Наверное, у меня шок, как при сильной травме.

16

Я пячусь от двери и оборачиваюсь, увидев свое отражение в зеркале над антикварным комодом. У меня карие глаза — должно быть, они достались мне от отца, потому что у мамы они были льдисто-голубые. Спутанные локоны темных волос спускаются ниже плеч. А у мамы были светлые волосы медового оттенка. В последние годы она не крашивала седину, и я делала ей гладкий пучок на затылке. Мама сильно болела, и мне стоило больших трудов ухаживать за ее волосами. Но я не могла допустить, чтобы кто-то увидел Мэри Элизабет Уэнтворт-Норквест растрепанной.

Я криво улыбаюсь. Мы с мамой похожи, как творог и горчица. Неудивительно, что мало кто из гостей меня узнал. Если бы я надела поверх простого черного платья белый передник, никто бы не удостоил меня взглядом.

Я слышу чей-то кашель у двери и поднимаю голову.

— Аврора, деточка, ты в порядке?

Я снова смотрю в зеркало. У той женщины, что в нем отражается, действительно все в порядке. У нее ясные глаза, сухие щеки, а на губах остался след розовой помады.

Собрав волю в кулак, я отвечаю:

— Клара, у меня все хорошо. Я вам нужна?

Она распахивает дверь и смотрит на меня. На губах мелькает грустная улыбка.

— Милая, не могу же я прогонять тебя из всех тайников. Неужели так сложно сделать над собой усилие?

— Простите. Но там... неудобно.

Клара улыбается, и тусклые голубые глаза тонут в паутине морщинок.

— Тогда не нужно себя мучить. Если хочешь побыть одна, никто тебе не помешает. Я лишь хотела спросить... но мне неловко.

Я опускаюсь на край кровати:

— Что такое?

Тетя Клара, нахмутив брови, входит в комнату:

— Не хотела тревожить тебя по пустякам, но я знаю, что вы с мамой никогда ничего не выбрасывали. Сегодня собрались ее близкие друзья... вот я и подумала: ты не возражаешь, если я кое-что подарю им? Эстер была бы рада получить шкатулку из лиможского фарфора, а Глория — хрустальное пресс-папье для письменного стола. Они дружили с твоей матерью, и безделушки будут напоминать им о ней.

В памяти мелькает смутное воспоминание: мама сжимает пресс-папье, просматривая почту. Сначала я хотела возразить, но потом вспомнила, что никогда не пишу писем.

— Если Глория хочет пресс-папье, — я смотрю Кларе в глаза, — то отдайте его ей.

— Как мило с твоей стороны, дорогая! — Рука Клары, похожая на птичью лапку, касается моего запястья. — Ты совсем без сил?

— Дайте мне несколько минут, чтобы собраться с мыслями.

— Не торопись. Я буду развлекать гостей, пока они не разойдутся по домам.

Я киваю и закрываю глаза. Вдруг мне в голову приходит новая мысль:

— А официанты здесь надолго?

Клара смотрит в коридор и пожимает плечами:

— Не знаю, дорогая. Наверное, они уйдут спустя час после ухода гостей. Наведут порядок и...

— Попросите их уйти с гостями, хорошо? Я сама уберу.

Клара прищуривается, и глаза почти исчезают в туго натянутых щеках.

— Это ни к чему, дорогуша. Уборка входит в их обязанности.

— Клара, я хочу побыть одна.

Тетя смотрит на меня так, словно я сошла с ума. Потом кивает и закрывает дверь. Я страшно устала, но никогда бы не легла спать на этой кровати. Я соскальзываю с матраса и сворачиваюсь калачиком в кресле у окна. За долгие годы оно научилось принимать и холить изгибы моих бедер и торчащие кости.

18

В мягких объятиях кресла пульс замедляется, нервы успокаиваются. Я откидываю тяжелые занавески и разглядываю знакомый пейзаж. На крыше здания с другой стороны улицы растет японский клен, за которым ухаживает бородатый мужчина. Дерево сбросило почти все листья. Осень в самом разгаре. Вскоре нас ждут неизбежные короткие дни, голые деревья и стальные серые облака, скрывающие верхние этажи самых высоких манхэттенских небоскребов.

Я поднимаю глаза на потолок и вижу на штукатурке сырое пятно. Надо позвонить управляющему Джорджу: пусть проверит, нет ли протечек... Потом, когда у меня появятся силы.

Волна жалости к себе готова поглотить меня, я сопротивляюсь. Мать умерла, но душа Мэри Элизабет Уэнтворт-Норквест тлела долгие годы, словно увядающий цве-

ток. Я ухаживала за ней десять лет, а она пожертвовала для ребенка успешного писателя и «подлого человека» куда больше.

Теперь мы квиты. Я отдала долг. Завтра начнется *моя* собственная жизнь.

Я удобно устраиваюсь в кресле. Подошвы черных лодочек касаются обитой подставки для ног. Я морщусь. Даже погрузившись в туман слабоумия, мать терпеть не могла, когда в кресло забирались в обуви.

Но она больше не лежит в этой кровати, и кресло вскоре отправится в комиссионку.

Я сильно устала за последние десять лет.